

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ · ОБЩЕСТВО

Непаханое атмосферное поле

Психотерапевт о победоносном шествии мессенджера
МАХ и социальной психологии

Фото: Александр Сенцов / Фотохроника ТАСС

11:22, 8 января 2026,

Андрей Гронский

психотерапевт

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Мессенджер МАХ шагает по стране. Как, впрочем, и следовало ожидать, граждане России по большей части без всякого сопротивления начинают пользоваться одиозным средством связи, переход на которое был подготовлен блокировкой иностранных мессенджеров.

Как всем хорошо известно, начиная с лета и осени в учреждениях стали выходить прямые директивы, требующие от сотрудников регистрации в МАХ. И конечно же, ни локальные отключения интернета, ни это нововведение не вызвали возмущения в обществе. Зумеры не вышли на улицы, как это случилось в Непале, а большинство людей даже пассивно не стараются уклониться от установки приложения, несмотря на то, что требование об обязательной установке не соответствует законодательству РФ, о чем было дано [официальное разъяснение](#) Министерством цифрового развития.

Кроме обычных аргументов, что «начальство сказало» и «что мы можем сделать», можно также услышать, что «ватсап все равно скоро заблокируют» и что качество видеозвонков в МАХе хорошее. Однако далеко не все люди столь простодушны, даже при желании таковыми казаться. Вот пара цитат из подслушанных разговоров.

Разговор сослуживцев перед установкой мессенджера МАХ:

- У нас приказ вышел на мессенджер МАХ переходить.
- Говорят, он вроде личную информацию собирает?
- Да вы что?! Это он теперь мою переписку читать будет?! Ахах... Ну ничего не поделаешь... А где его скачивать?

Шутка, которая звучит в компании людей, у которых мессенджер уже установлен:

— Разве нам можно на эту тему говорить?) У нас же мессенджер MAX в телефонах!)

Фото: Игорь Иванко / Коммерсантъ

В целом ситуация с MAXом точь-в-точь напоминает ситуации, когда сотрудников бюджетных организаций побуждали участвовать в выборах и даже голосовать за определенного кандидата, и подавляющее большинство из них беспрекословно подчинялось, даже если им не угрожали ни лишением премии, ни другими мерами дисциплинарного воздействия.

Ну или вымышленную ситуацию из романа Владимира Войновича «Малиновый пеликан», где гражданам было предписано пройти всеобщую черенковизацию, на которую они пошли колоннами, неся патриотические транспаранты и плакаты. А также отсылает к роману Джорджа Оруэлла «1984». Правда, в нем не упоминалось, устанавливали ли жители Океании в свои квартиры «телекраны» самостоятельно или нет.

Этот небольшой текущий инцидент в череде многих вновь возвращает нас к, как уже кажется, вечной теме покорности российского народа, обычно объясняемой длительной историей подавления личности и гражданских свобод, длившегося от возникновения Московского государства до конца тоталитарного контроля общества в советский период и полностью закончившегося лишь в 1991 году.

Об этом было сказано так много, что не стоит на этом подробно останавливаться. Приведу лишь два примера. Один мой коллега, весьма рефлексивно относящийся к этой части своего жизненного опыта, говорил мне: «Страх перед государством у меня в костях». В частности, он рассказывал, что его бабушка была осуждена по закону «о трех колосках» в начале 1930-х годов. Узнал он об этом уже в относительно взрослом возрасте. Но у него было еще одно воспоминание. Он ясно помнил, что, когда был ребенком уже в 1960-е годы, мама брала его на прогулки в поля. И во время прогулок она со страхом на лице говорила своему маленькому сыну: «Только, пожалуйста, не поднимай никакие травинки».

Второй пример касается истории моей семьи. Семья моего прадеда была раскулачена и направлена на спецпоселение. Сам прадед, опасаясь расстрела, сбежал на Дальний Восток, где вскоре умер. К счастью, часть детей на воспитание взяли родственники и вырастили их.

Мой дед в период этих событий, будучи уже взрослым 18-

летним парнем, служил в армии и впоследствии не понимал, почему его отец бежал, оставив детей на произвол судьбы. Позже его родной брат, простой рабочий, был осужден на 10 лет ссылки за то, что в нетрезвом виде сказал что-то неподобающее о Сталине. В частности, из-за этого брат лишился семьи. Жена отказалась ехать в ссылку вместе с ним.

Фото: Илья Московец / URA.RU / ТАСС

Я помню, что в детстве он иногда приходил к нам домой. Он производил впечатление молчаливого, грустного человека. Бабушка говорила мне: «Не подходи к нему. Дед Василий не любит детей». Эти истории довольно редко упоминались в нашей семье. Им не давалось никаких оценок. За что именно был осужден дед Василий, я узнал только в подростковом возрасте. Но зато нередко звучало: «Никогда не вздумай никому что-нибудь говорить о политике!»

Безусловно, история влияет на привычные поведенческие

реакции людей, выросших в определенной социальной среде. Но все-таки не всегда причинно-следственные связи так однозначны. Ведь иногда мы становимся свидетелями непредвиденных изменений в истории и в социальном поведении. И того, что триггеры, которые, казалось бы, должны были бы вызывать вполне определенную предсказуемую реакцию, ее не вызывают или даже вызывают прямо противоположную.

В связи с этим мне кажется интересным вспомнить о так называемой теории психологического поля, предложенной одним из видных психологов XX века, основоположником социальной психологии Куртом Левином. Он писал, что до изобретения атомной бомбы рядовой физик едва ли был склонен воспринимать социальные феномены как полноценную реальность.

Но после Хиросимы и Нагасаки стало очевидным, что социальные события в плане своих последствий являются не менее значимыми, чем события физические.

Центральная идея его теории заключалась в том, что причинность социальных процессов не является линейной. Он стал говорить о таких понятиях, как «социальное поле», «атмосфера группы», «жизненное пространство», понимая под последним субъективное восприятие человеком его возможностей, и считал, что поведение человека обусловлено не только его сложившимся индивидуальным характером и потребностями, но и множеством других сил, включенных в конкретную ситуацию.

И предложил анализировать пространство социального

взаимодействия исходя из действующих в нем «валентностей», т.е. объектов (не только материальных), которые воспринимаются как притягательные либо пугающие и отталкивающие. Левин также говорил о том, что поведение людей нельзя рассматривать, как детерминированное исключительно прошлой историей или будущим, т.к. психологическое прошлое и психологическое будущее, в том числе старые привычки, представления о желаемой перспективе и поставленные цели, включены в целостную конstellацию сил и действуют совместно.

Таким образом, конкретное поведение обусловлено не каким-либо отдельным фактором, а одновременным взаимодействием разнонаправленных сил. Еще одно из его открытий касалось того, что, казалось бы, незначимая часть поля может привести к кардинальному изменению его структуры и перераспределению действующих в нем векторов.

Теперь рассмотрим положения этой теории на примерах. Первый касается понятия групповой атмосферы. Что касается влияния атмосферы группы, то каждый может вспомнить свои ощущения, когда он попадал в новую незнакомую компанию или приезжал в страну с другой культурой. Некоторые путешественники говорят, что ощущают какое-то изменение на уровне эмоций, когда пересекают границу.

В таких ситуациях, характеризующихся новизной, обычно обостряется чувствительность даже к небольшим неверbalным знакам других людей, тревога сделать что-нибудь неуместное и желание понять негласные правила.

Метафора «поля» была позаимствована Левином из физики по аналогии с магнитным и электрическим полем. Электромагнитные поля способны влиять на попавшие в них объекты.

Следуя этой метафоре, человек, попадая в новую среду, чувствует ее влияние намного более остро, чем в привычной для него обстановке, где ее воздействие незаметно в силу привычности.

Другие примеры будут касаться того, что в некоторых случаях, казалось бы, предсказуемый и понятный с точки зрения предшествовавшей истории стереотип поведения людей меняется под влиянием сопутствующих, иногда малозаметных, находящихся в андеграунде процессов. Либо же происходит, напротив, нечто противоположное — когда социальные и политические события, казалось бы, должны вызвать ожидаемый эффект, ни к чему подобному не приводят.

Например, почему в двух частях Кореи, страны, связанной многовековой общей историей и традициями, разделенной по произвольной географической линии, за несколько десятилетий сформировались два совершенно разных политических режима и общества.

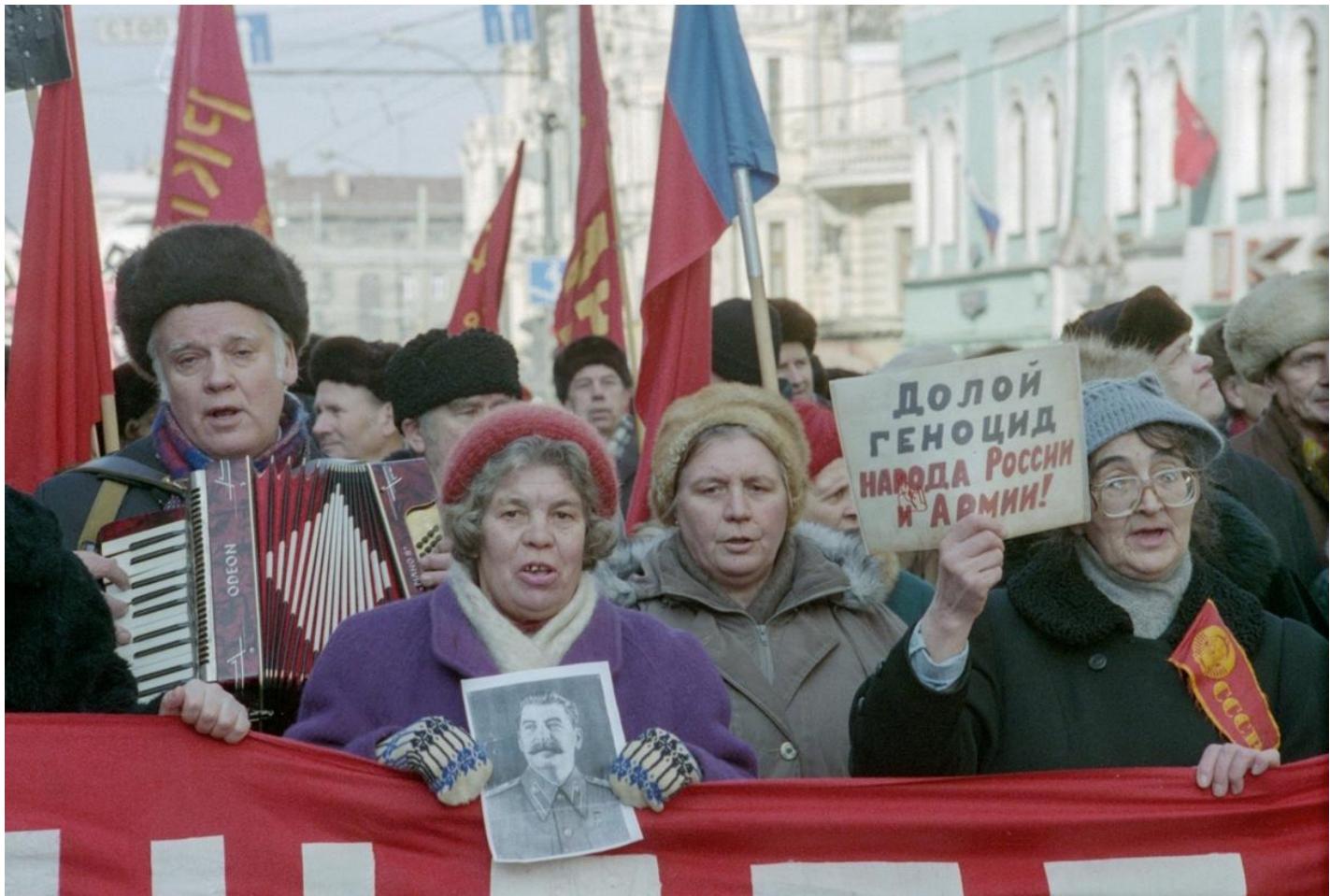

Фото: Зотин Игорь / Фотохроника ТАСС

И если возвращаться к относительно недавней российской истории, то кто мог предвидеть, что сотни тысяч людей выйдут на улицы в дни августовского путча 1991 года. Едва ли кто-нибудь в полной мере осознавал, в том числе организаторы этого дворцового переворота, что и среди многих рядовых граждан, и среди элит во второй половине 1980-х подспудно созрело сильное нежелание возвращаться в советское прошлое. И прямо противоположный пример, который мы наблюдали, это тот неожиданный восторженный отклик, который вызвали в российском обществе события 2014 года. А кто мог представить, как радикально изменится политическая жизнь Америки в последний год из-за какого-то, казалось бы, случайного стечения обстоятельств?

Почему длительные попытки провести демократические преобразования не дали абсолютно никакого эффекта в Афганистане?

Ну или же мы можем посмотреть на динамику гражданской активности россиян начиная с 2000-х годов. Несмотря на множество инцидентов, которые, казалось бы, должны были ее стимулировать, как мы знаем, в ней участвовали в основном представители креативного класса и преимущественно в столичных городах. Достигнув пика в 2011–2012 годах, она постепенно сходила на нет к 2020-м. Основная же часть российского населения стабильно «безмолвствовала», исключая лишь вспышки народного возбуждения в 2014-м и весной 2022-го.

В публикациях либерально настроенных авторов нередко можно встретить утверждения, что российское общество не так монолитно, что есть много людей, которые не согласны с государственной политикой. И да, это действительно так. Есть люди, которые вполголоса, в кулуарах говорят что-нибудь о своем недовольстве политикой государства и о том, что она должна была бы быть другой. Иногда возникают спонтанные гражданские акции, хотя в последнее время все реже. В частности, можно вспомнить недавние выступления уличных музыкантов в поддержку певицы Наоко и группы «Стоптайм».

Но проблема в том, что импульс, исходящий от подобного рода действий, тонет в чем-то безразличном, липком, аморфном и вязком, не вызывая никакого существенного резонанса. И те, кто исходя из своих внутренних ощущений не в восторге от политики государства, на практике зачастую ведут себя в точности так же, как и те, кто с ней полностью согласен.

В то же время инициативы, спускаемые сверху, стабильно

получают хоть и с разной степенью энтузиазма, но тем не менее положительный народный отклик.

Возвращаясь к метафоре социального поля, по аналогии с электромагнитным оно устроено таким образом, что как будто поглощает волны одного регистра и, напротив, вступает в резонанс и усиливает волны другого.

Вполне возможно, что многие из прозрений Курта Левина сегодня могут показаться уже вполне очевидными и сами собой разумеющимися. Однако мне кажется, что это не совсем так. Зачастую нам свойственно следовать привычному линейному мышлению. Теория поля Левина побуждает нас расширять взгляд и обращать внимание на те части ситуации, которые на первый взгляд могут казаться второстепенными и незначимыми.

Мне думается, что исходя из перспективы этой теории мы можем взглянуть на поведение россиян в отношении мессенджера МАХ не просто как на очередное расхождение со здравым смыслом, и не только как на просто привычку, унаследованную из опыта прошлых поколений, архаическим страхом перед гипотетическим наказанием со стороны властных инстанций, но и в контексте влияния актуальной групповой атмосферы.

Фото: Игорь Иванко / Коммерсантъ

Атмосферы, в которой лояльность к власти, избегание обсуждения острых социальных тем, нахождение «вне политики» и пр. негласно воспринимаются как правила хорошего тона. А отклонение от этих правил в лучшем случае как странность, вызывающая по меньшей мере тревогу и настороженность, в худшем агрессию, завуалированную под сарказм («Ты чё, оппозиционер?», «Что там в ваших кругах говорят?», «На митинг ходил?»), или же явную и открытую.

«До тех пор, пока групповые ценности остаются неизменными, индивид будет сопротивляться тем сильнее, чем больше ему предстоит отойти от групповых норм», — писал Левин.

Эти размышления, касающиеся реакции российского общества на очередное нововведение властей, отсылают нас и ко множеству других вопросов. От более широких, в частности, старой дискуссии — несколько напоминающей спор о яйце и

курице — о том, кто ответственен за установление авторитарных и тоталитарных режимов и действия государств — правители или так называемые «простые» люди, народ, при молчаливой или явной поддержке которого эти режимы приходят к власти и реализуют свои приказы?

Или же все-таки не стоит рассматривать эти два полюса как абсолютно диахотомичные, а скорее, как взаимно влияющие друг на друга?

Какие факторы, которые мы, возможно, сбрасываем со счетов как незначимые, приводят к изменению силовых линий в социальном поле, говоря терминологией Курта Левина? Что касается этого вопроса, мы сейчас ясно видим, что надежды 2010-х годов на развитие гражданской активности снизу и политическую оппозицию не оправдались, а более существенными оказались другие обстоятельства.

До более личностных экзистенциальных вопросов: в какой мере и каким образом человек может сохранять свою автономию и собственное достоинство, проживая в условиях тоталитарного режима и будучи вынужденным приспосабливаться к ним? И каковы его степени свободы, несмотря на то что он неизбежно находится в поле действия различных социальных сил?

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Социальный характер: демократия и диктатура](#)

Могут ли быть сильны в свободном обществе авторитарные, конформистские и разрушительные устремления